

2008 г. в 14 регионах России опросу городского населения, самый высокий процент респондентов, согласных называть россиян нацией, оказался в Сыктывкаре и Екатеринбурге (с. 345, 379–381), где издавна существует характерная «уральская толерантность»¹ (с. 38). Рассмотрению религий по отношению к понятию «идентичность» Тишков посвящает отдельные главы, которые фактически могут служить кратким курсом истории религий, в разные эпохи распространенных на российском пространстве. Особое внимание закономерно уделяется взаимодействию русско-православного и тюрко-исламского (и просто тюркского) миров в российском пространстве (с. 404–405, 413, 445, 449–451, 504–505).

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемая книга – первый в отечественной и зарубежной историографии

скрупулёзный анализ категорий «нация» и «народ» в российском контексте с момента их зарождения до настоящего времени. Вывод автора однозначен: в нашей стране существует полиэтническая гражданская нация при сохранении богатого этнокультурного многообразия. Этнография народов, включенных в Российскую империю и в последующем в Российскую Федерацию, была разной, но история их с момента их включения в общее государство, становилась общей – российской историей, или историей российского народа.

Л.И. Миссонова

Примечание

¹ Подробнее см.: Головнев А.В. Оттенки этничности на Урале // Антропология социальных перемен / Под ред. Э.-Б. Гучиновой и Г.А. Комаровой. М, 2011. С. 443–444.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / Отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с., ил.

Коллективная монография, изданная под грифом Института российской истории РАН в рамках целевого конкурса РГНФ «1150 лет российской государственности», раскрывает роль этничности в истории России от славянского расселения в Восточной Европе до рубежа XX–XXI вв. Книга открывается главой «Древняя Русь: этнический аспект становления и развития государственности», в которой В.Я. Петрухин исследует вопросы, вызывавшие на протяжении последних двух столетий острые дискуссии: историко-этнографический контекст легенды о призвании варягов, огосударствление племенных территорий, конфессиональная основа формирования русского народа, политические и этнососоциальные предпосылки раздробленности княжеств. Сопоставление различных точек зрения позволило автору приподнять завесу над многими сюжетами этнической и религиозной истории Древней Руси.

В.В. Трепавлов осветил проблему миграции русских из центральных регионов России в Поволжье, Приуралье и Сибирь в

XVI–XVIII вв., отметив, что число переселенцев из столетия в столетие увеличивалось в связи с социальным расслоением в крестьянской среде и ужесточением крепостнических порядков. В начале освоения свободных земель практиковалось организованное, селекционированное властями переселение, но от него вскоре отказались в связи с нарастанием стихийной миграции, которая выбрасывала тысячи русских земледельцев на Волгу, в Заволжье и Зауралье. Выдвинутый в своё время в пропагандистских целях тезис «Россия – тюрьма народов», как известно, на протяжении XX в. широко использовался в общественно-политической литературе. В 1980-х гг., в трагический период разрушения союзного государства, эта своего рода концепция приобрела значение лозунга, который звал нации союзных и автономных республик «на баррикады», многократно усиливая митинговую стихию. Не упоминая о нём, Трепавлов по сути развенчивает его на конкретном историческом материале, исследуя региональные особенности этнической политики царизма в Поволжье, на Южном

Урале, в Приуралье и Сибири. Опираясь на документальные свидетельства, автор показывает, что на присоединённых землях традиции племенной организации сочетались с установлением власти русских наместников – воевод: харизматические личности из среды местной знати вовлекались в администрацию. Чтобы утвердиться в Поволжье, правительство инициировало христианизацию края, но проводило её не огнём и мечом, а путём предоставления местной знати и отдельным социальным группам привилегий в наделении землёй, привлечения к царской службе и т.д. Татарские, чувашские, марийские и удмуртские мурзы, переходя в категорию служилых людей, освобождались от выплаты ясака, наделялись поместьями. Особый статус приобрели башкиры, которые в обмен на военную службу и уплату ясака получали от царей грамоты на наследственное владение своими исконными территориями. В Сибири, как показывает Трепавлов, многоукладность хозяйства крестьян-переселенцев, отсутствие социального барьера между ними и коренным населением, а также охранительная политика правительства по отношению к ясачным обеспечивали мирное соседство. Неудивительно, что пренебрежение и высокомерное обращение с местными жителями никогда не были присущи основной массе славянского населения края, а присоединяемые сибирские просторы не являлись колониями в их европейском понимании.

Основываясь на достижениях отечественной и зарубежной историографии, А.И. Миллер анализирует теоретические аспекты национальной политики царизма в конце XVIII – начале XX в. Если Екатерина II проводила политику ограничения власти окраинных элит (Лифляндия, Эстляндия, Украина), то Александр I взял курс на расширение автономии вновь присоединяемых территорий (Великое княжество Финляндское, Бессарабия, Грузия, Польша). При Николае I эта политика сохранялась лишь в отношении некоторых окраин (Остзейский край, Финляндия, Грузия), что отвечало интересам стабилизации и консолидации империи.

В отечественной историографии нет специальных исследований, посвящённых русификации региональных культур

в масштабах всей Российской империи. В многочисленных публикациях представителей национальных элит русификация (как правило, «насильственная») штампуется вне времени и пространства, без учёта различий в системе государственного управления. Вопреки привычным оценкам, Миллер отмечает, что ситуации исключительно насильственной или добровольной ассимиляции были лишь крайностями. Например, мотивы освоения русского языка имели множество вариантов у разных народов. К сожалению, данный вопрос ещё очень мало исследован, отчасти потому, что национальные научные школы, которые «были и во многом остаются сосредоточены на теме оппозиции имперской власти», до недавнего времени не слишком интересовались этим сюжетом (с. 108). Русификация исследуется Миллером в параграфах «Польский вопрос», «Украинский вопрос», «Еврейский вопрос», «Российская империя и ислам» на материалах конфессиональной политики второй половины XIX в. Автор проявил глубокое знание проблемы, его трактовка региональных особенностей правительственного курса, несомненно, вызовет интерес и у этнологов, и у политологов. Другие параграфы, написанные Миллером, посвящены мобилизации этничности накануне и в период Первой мировой войны.

Т.Ю. Красовицкой предпринята попытка исследовать роль этнического фактора в реализации права народов на самоопределение в 1917–1929 гг. Исследовательница пришла к выводу, что, несмотря на противоречия в национальной политике большевиков, их действия по осуществлению принципа самоопределения отвечали интересам народов России. Стихийно развернувшийся процесс федерализации создавал угрозу сохранению единства страны, и в начале 1920-х гг. идея возрождения российской государственности стала ведущей в политике правительства РСФСР. На основе уникальных документов Красовицкая характеризует разногласия среди членов ЦК ВКП(б): И.В. Сталин воспринимал федерализм как переходную ступень к будущему социалистическому унитаризму, а В.И. Ленин был убеждён, что образование национальных государств

не противоречит принципу федерализации страны. Цитируя высказывания национальных лидеров, которые сталкивались на поле бурных дискуссий, Красовицкая показывает, как этатизирующий национализм стремился освоить политические институты новой государственности.

Существенное внимание в данной главе уделено политике и практике коренизации. С принятием в 1924 г. Конституции СССР и до конца 1920-х гг. в управлении культурой сохранялась децентрализация, и все её сферы находились в ведении республиканских наркоматов просвещения. В образование внедрялся этнический компонент, в РСФСР школы работали на 104 языках, но административно-командный характер коренизации создавал основу для полномасштабной советизации. Власти требовали полной лояльности элит титульных национальностей, которые в свою очередь стремились к независимости от центра и национально-культурной автономии. В результате в Белоруссии и на Украине, на Кавказе и в Средней Азии «национал-уклонизм» со временем переквалифицировали в «буржуазный национализм».

Обращаясь к советской этнополитике 1929–1941 гг., Д.А. Аманжолова констатирует, что СССР, оставаясь по форме союзным, договорным, так называемым федеративным объединением, в котором государственность получили почти 40 народов, фактически превратился в унитарное государство с командно-административным управлением. Конституция 1936 г. узаконила расширение компетенции союзных органов власти, усиление централизации во всех сферах жизни народов. Вместе с тем советская идеология и политическая практика тесно связали этничность с административными образованиями. При этом соблюдение принципов федерализма обеспечило справедливость и безусловную прогрессивность развития многонационального государства в сравнении с капиталистическим миром, поделённым на метрополии и эксплуатируемые ими колонии (с. 216).

Опираясь на архивные документы, Аманжолова исследовала особенности межкультурной интеграции и социально-культурной модернизации национальных меньшинств, особенности языковой по-

литики, имевшей глубокое символическое и политическое значение. В 1930-х гг. решалась дилемма: поддерживать языки малочисленных народов с их ограниченной сферой употребления или расширить обучение русскому языку. Автор тактично объясняет государственную необходимость ликвидации национальных школ и национальных педагогических институтов в 1938 г., принятие постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». По справедливому мнению исследовательницы, эта акция имела далеко идущие последствия для социально-культурного развития народов: стремительно расширялась система подготовки кадров с высшим и средним специальным образованием. Проводимая в то же время политика коренизации и унификации письменности для 89 народов привели к впечатляющим прогрессивным переменам (с. 221).

Особое внимание Аманжолова уделяет переселенческой политике 1930-х гг., депортации раскулаченных крестьян на Север, Урал, в Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Собранный ею материал ломает стереотипное представление о направленности сталинских репрессий преимущественно против титульных наций автономий и отдельных этнических групп. Как свидетельствует статистика, русские и белорусы пострадали от них не меньше. В целом же Большой террор 1937–1938 гг. был направлен прежде всего против партийно-государственной элиты и других категорий номенклатуры (с. 227).

Н.Ф. Бугай и Е.Ю. Зубкова анализируют противоречивый характер этнонациональной политики в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941–1960-е гг.), когда проявление массового патриотизма представителей разных народов на фронтах и в тылу сопровождалось ликвидацией отдельных автономий. В монографии воссоздана эпопея насильственного переселения калмыков, карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар в отдалённые районы Советского Союза.

Особый интерес вызывает трактовка авторами национальной политики после-

военных лет. На основе широкого круга архивных документов исследуется слабо изученное в отечественной историографии ужесточение политического курса в начале 1950-х гг.: по всей стране с подачи ЦК ВКП(б) развернулась борьба с «буржуазными космополитами» и «буржуазными националистами». По мере возникновения «эстонского», «латвийского», «мингрельского» дел, направленных непосредственно против региональных элит, в союзных и автономных республиках были проведены массированные идеологические кампании с разоблачением всякого рода «уклонистов» в науке, литературе, искусстве. Ярko проявился в государственной политике и антисемитизм: общественность страны была потрясена официальными публикациями по «делу Еврейского антифашистского комитета» и по «делу врачей».

В начале 1970-х гг. под прикрытием коммунистической фразеологии и концепции «дружбы народов» возрождается имперская идеология. В то же время обостряются межэтнические отношения: вспыхивают осетино-ингушский, армяно-азербайджанский и абхазо-грузинский конфликты. Бугай и Зубкова показывают политические и социально-экономические предпосылки ухудшения ситуации в национальных республиках. Быть может, наиболее выразительно они раскрываются в разделе «Балтия: мигранты, движение за суверенитет и антирусские настроения».

Л.М. Дробижера выявляет этнонациональный компонент в Конституции СССР 1977 г., этнодемографические и социальные тенденции 1970–1980-х гг., соотношение мифов и реальности в историческом бытии народов, роль этничности в политических процессах конца 1980-х гг. Характеризуя СССР как федеративное государство, исследовательница отмечает, что его устройство сохраняло конституционную асимметрию, при которой одни из субъектов имели больше прав, чем другие. Несоответствие экономического потенциала политическому статусу провоцировало конфликты. Как указывает Дробижера (не уточняя, какие факторы влияли на эти процессы), в 1970–1980-х гг. в Закавказье, Средней Азии и Казахстане росла доля коренного населения и снижалась доля

русских, в Грузии и Азербайджане сокращалась доля армян, в Армении – азербайджанцев. Но вместе с тем советский федерализм позволял разрешать возникавшие на националистической почве противоречия, исключая насильственные формы их регулирования. В частности, республики Закавказья проявили политическую волю и вопреки противодействию «ортодоксов» языкам титульных национальностей был придан государственный статус. Развитие индустриализации и урбанизации республик способствовало росту удельного веса лиц умственного труда: в 1979 г. у 6 из 15 титульных национальностей их доля была такая же, как и у русских (по переписи 1959 г. – только у 4). При этом в составе национальной интеллигенции уже преобладали группы, занятые производственным и интеллектуальным трудом, что справедливо оценивается в книге как «принципиальное изменение в положении народов» (с. 348).

Размышляя о том, была ли дружба народов СССР мифом или реальностью, Дробижера приводит данные социологов, изучавших межличностные отношения в союзных республиках в 1980-х гг. Так, в Молдавии 82% молдаван и столько же русских, 81% евреев, 77% украинцев заявили тогда, что национальный состав производственных коллективов для них не имеет значения; в Грузии такого же мнения придерживались 80% грузин, армян и азербайджанцев. «Тем не менее, – пишет исследовательница, – в 1983 г. в связи с 200-летием Георгиевского трактата была подготовлена инсценировка на тему русско-грузинской дружбы, на которую протестной акцией среагировала грузинская интеллигенция». А когда в Эстонии не разрешили концерт панк-группы, молодёжь выступила с лозунгом «Русские – домой!» (с. 359). Сопоставление более чем странное: с одной стороны, мнение производственных коллективов, с другой – группа бунтующей молодёжи. Однако, по мнению Дробижера, и в 1980-х гг., и в наши дни «реально говорить о дружбе народов нельзя» (с. 358). Между тем, оценивая межнациональные отношения в таком громадном многонациональном государстве, каким был СССР, методологически правильно опираться не на отдельные проявления

протеста местной интеллигенции, а на события общегосударственного значения. Например, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. все народы СССР были спаяны единым стремлением отстоять свободу и независимость общей Родины. В Среднюю Азию и Казахстан из Центральной России было эвакуировано более 200 промышленных предприятий с производственным контингентом и оборудованием. Все были приняты, устроены, обеспечены жильём и питанием по условиям военного времени. Во всяком случае, ни в Алма-Ате, ни в Ташкенте, ни во Фрунзе эвакуированные граждане не умирали на улицах от голода. Учёные Академии наук СССР, эвакуированные вместе с институтами в Ташкент и Алма-Ату, были приняты правительствами УзССР и КазССР с особым почётом и поставлены на повышенную норму продовольственного обеспечения. 200 тыс. детей, прибывших из прифронтовой полосы, в том числе из блокадного Ленинграда, нашли приют в Узбекистане, тысячи сирот были приняты в узбекские семьи. Женщины «коренных национальностей» Средней Азии сдали в Фонд обороны на строительство танков десятки килограммов фамильных драгоценностей из золота и серебра. Об этом написаны монографии, но многие современные историки, политологи и журналисты не хотят этого замечать.

В заключительной главе монографии академик В.А. Тишков рассматривает важнейшие явления и процессы общественно-политической жизни постсоветской России. В центре внимания учёного – «смена вех», кризис советского федерализма, драма разрушения государственных основ СССР, создание новой федерации и её конституции, проблемы национально-культурной автономии, своеобразие языковой политики в субъектах Российской Федерации, причины и характер межнациональных конфликтов и сепаратизма. Обобщение большого фактического материала позволило воссоздать сложнейшую мозаику тотальной катастрофы, которую пережила страна в 1990-х гг., столкнувшись не только с политическими, экономическими и идеологическими потрясениями, но и с кризисом национально-государственной и гражданской идентичности. Систематизи-

ровав многочисленные проявления межэтнических конфликтов, Тишков провёл градацию наиболее взрывоопасных регионов в СССР: республики с историческими претензиями к верховной власти относительно трактовки «добровольного вхождения» в состав России и автономии, требовавшие восстановления исторической справедливости, нарушенной в период депортаций и политических репрессий. В РСФСР сформировались три основных очага этнической нестабильности: на Северном Кавказе, в Волго-Уральском регионе (с центрами повышенной конфликтности в Татарстане и Калмыкии) и на юге Восточной Сибири (Тыва, Бурятия, Республика Алтай). Как указывает автор, в основе этноконфликтов лежали исторические, территориальные и межгрупповые разногласия, традиционализм враждующих группировок, снижение общего социально-экономического развития регионов и т.д.

В параграфе «Особенности российской этнополитики начала XXI в.» В.А. Тишков излагает свою концепцию гражданской нации. Вопреки представлениям о «многонациональном» народе России, ведущий этнолог Российской Федерации полагает, что *российский народ – многоэтническая гражданская нация, некая многокультурная общность*. По мнению академика, это «единая реализуемая формула устройства многоэтнической страны» (с. 440). При всей спорности данной доктрины следует признать, что написанная, В.А. Тишковым глава является серьёзным вкладом в разработку теоретических основ отечественной этнополитики.

Вместе с тем рецензируемое издание имеет и существенные недостатки. Так, сюжеты, связанные с конфессиональной историей, не получили в монографии достойного отражения, в большинстве случаев они обойдены, несмотря на их явную актуальность в наши дни и освещение в новейшей историографии, с которой, по видимому, не все авторы книги знакомы. Ничего не сказано и о роли христианского, мусульманского, буддийского духовенства в сохранении духовных ценностей и исторических традиций народов. В частности, исследователи обошли молчанием стойкое противодействие мусульманского духовенства Татарской АССР и Башкир-

ской АССР отмене арабского алфавита и насаждению латинской графики в 1920-х гг. Авторы не сочли нужным показать и вклад русской (российской) интеллигенции в развитие национальных культур: деятельность выдающихся лингвистов России по созданию алфавитов для бесписьменных народов, участие педагогов в организации светских школ, в становлении системы высшего и среднего образования в автономиях. В ряде глав читателю зачастую предлагается история без исторических деятелей.

Редактирование книги вызывает недоумение: одни главы написаны хорошим литературным языком, другие, напротив, изобилуют стилистическими погрешностями. Часто неоправданно используются современные выражения («политработники нерусской национальности», «языки нерусских народов» (с. 203, 264 и др.). Иногда читатель как через колючий кустарник пробивается к смыслу авторского высказывания. Не всегда указаны работы, в которых подробно анализируются документы, цитируемые в книге без ссылки на источник (с. 197–198)¹. Уничжительный характер носит применение к территориально-административному делению СССР термина «матрёшка». Плохо продумано и оформление книги. Прекрасно подобранные авторами фотографии размещены хаотично и не соответствуют содержанию текста. Так, иллюстрации «Половецкая каменная баба», «Русский полон» и другие вставлены в гла-

ву «Этнополитика в годы Великой Отечественной войны» (с. 270–273), что, по меньшей мере, бестактно и неуместно. Ценные фотографии, выявленные авторами в государственных и личных архивах, в основном публикуются впервые, но без ссылок на дела и фонды, в которых они хранятся. Не делает чести художнику С. Щербине и «картинка» на обложке, символизирующая многонациональный состав России. На ней изображено скопище лиц неизвестного этнического происхождения. Судя по их головным уборам, в России преобладают не славянские, а азиатские этносы. По обложке трудно понять, какой стране посвящена монография.

Впрочем, эти замечания не снижают значения данного коллективного труда, который создан на основе обширного документального материала, выявленного в архивах и в новейшей специальной литературе. Это глубоко научное исследование на актуальную тему, дополняющее отечественную историографию постановкой новых проблем и нетривиальной (хотя и не бесспорной) оценкой важнейших аспектов этнической истории Российского государства.

В.Г. Чеботарёва

Примечание

¹ См.: *Чеботарёв В.Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938. М., 2008. С. 32–37.

Н.Б. Хайлова. Центристская модель модернизации российской экономики в начале XX века. М.: Финансовый университет, 2013. 220 с.

Выход в свет монографии старшего научного сотрудника Института российской истории РАН кандидата исторических наук Н.Б. Хайловой – значимое событие для исследователей общественной мысли, политических партий и движений, социально-экономической жизни пореформенной России. Феномен русского дореволюционного либерального центризма, которому посвящена книга, начал изучаться сравнительно недавно¹, и Н.Б. Хайловой принадлежит здесь достаточно видная

роль. Она – автор ряда концептуальных статей², под её редакцией вышел сборник документов, посвящённый партиям демократических реформ (ПДР), мирного обновления (ПМО) и прогрессистов³.

В центре внимания Н.Б. Хайловой находится понятие «центризм». По её мнению, этот термин можно понимать как в широком смысле («общекультурное явление, связанное с осознанным стремлением к диалогу и согласию»), так и в смысле политическом – как «состояние